

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Seriot P. Analyse du discours politique soviétique. P.: Institut d'études slaves, 1985. 362 p.

Книгу проф. П. Серьо приходится рецензировать, по внеаучным причинам, с опозданием на пять лет. Она посвящена анализу структуры, грамматических особенностей и смысла советского политического дискурса определенного периода. Ее конкретный материал — речь Н. С. Хрущева на XXII съезде КПСС (конец «оттепели») и Л. И. Брежнева на XXIII съезде (начало «застойного периода»). На обложке книги стоит 1985 г. — время, когда высказывания названных политических деятелей еще не стали объектом изучения. Подход же к политическому дискурсу не с идеологической, а с научной точки зрения у нас был не принят, поэтому ни в одном пособии по культуре речи и риторике никогда не говорилось о современных политических ораторах. В лучшем случае их авторы ограничивались упоминанием ораторов ленинской школы (см. недавно опубликованные работы [1—3]). И в целом политический дискурс остается пока terra incognita для отечественных языковедов.

Книга П. Серьо является первым в мировой литературе столь подробным описанием советского политического дискурса (в дальнейшем — СПД). Ограничившись сравнительно небольшим материалом (две речи), автор проделал весьма значительную работу. Это свидетельствует о том, что СПД — мощный пласт языка, исследование которого требует дальнейшего подробных и многоплановых исследований. По мнению автора, они должны быть свободны от сиюминутных конъюнктурных изображений и опираться на изучение языка, а не на внеязыковые обстоятельства; П. Серьо призывает читать строки, а не между строк.

Первая глава книги посвящена наименованию СПД. По мнению автора, наилучшим образом передает его сущность определение «деревянный язык» (*le langage de bois*). Внутренняя форма этого наименования обоснована следующим. Во-пер-

вых, в польском существует понятие «drewna twora», определяемое как «язык лозунгов, стершийся язык». В русском языке хорошо известен фразеологизм «деревянный», т. е. бедный, невыразительный язык. Однако это выражение, как и его эквивалент «корявый» язык, не вполне соответствует тому смыслу, который вкладывается автором в «langue de bois»; здесь, скорее, ближе по смыслу выражение «сухой язык, казенный язык» и изобретенный К. Чуковским «канцелярит». Но в других европейских языках смысл «канцелярский, казенный язык» передается именно фразеологизмом «деревянный язык»: итал. *lingua da legno*, нем. *hölzerne Sprache* (именно так язык советской политики был назван в известной книге М. Восленского «Номенклатура»). Сходное значение имеет англ. *gobbledygook* (ониматопея по происхождению, дословно «индюшье коудактанье»). К тому же франц. *langue de bois* ассоциируется с *gueule de bois* «ощущение похмелья», ср. русск. (груб.) *во рту засадрон похмела*. С другой стороны, франц. *langue de bois*, как и англ. *wooden tongue*, может обозначать и заболевание — отвердение языка у домашних животных. Это выражение может быть метафорически перенесено и на язык политических докладов, ставящих перед собой определенную цель, но — бессознательно или осознанно — совершенно не разборчивых в средствах.

Установив эти дефиниции, автор делает обзор основных попыток дать общую характеристику СПД. «Деревянный язык» советских руководителей рассматривался с точки зрения соотношения с реальностью; поэтому он получал название «язык-ложь» (А. Солженицын), «советский язык», моносемантический, исключающий всякие неоднозначные толкования действительности, приводящий к полной потере словом своего значения (М. Геллер), «сюрреалистический язык» (А. Мартинес), «шизоидный язык», управляемое

эстетикой клише (А. Гроппо). Вместе с такими, явно оценочными высказываниями встречаются и собственно лингвистические дефиниции: «игра словами», призванная подменить реальность (Г. Мулен), язык-метафора и т. д.

Автор же в своих дефинициях исходит из следующего. «Дерзкий язык» — это не язык и не речь, а определенный вид дискурса. Упомянутые П. Серьо авторы определяли задачи и цели этого дискурса двойко: как приписывание денотату ложного смысла (язык лжи, маккиавеллизм) или как лишение слова всякого смысла («очаровательный труп», термин Г. Мулена). Автор полагает, что понять смысл этого дискурса можно только после глубокого исследования СПД как определенной цепи условий, детерминирующих продуцирование и интерпретирование текстов.

Выбор объекта исследования объясняется особой исторической ситуацией — XII съезд КПСС — последний съезд хрущевской эпохи, а XIII — первый в брежневское время, что определяет различия между ними. С одной стороны, в докладе Брежнева было потрачено немало усилий на то, чтобы подчеркнуть, что курс партии остается неизменным, но, с другой стороны, события октябрьского 1964 г. пленума ЦК невозможно было замолчать. По удачному выражению П. Серьо, Хрущев одновременно присутствует и не присутствует в докладе Брежнева: он не назван по имени, но упоминается волюнтаризм и субъективизм [Это чрезвычайно интересное суждение, на мой взгляд, лучше всего свидетельствует о том, что СПД стремится отбросить реальный смысл денотата и заполнить его новосозданным. Имя же собственное всегда лишь указывает на определенный референт, не сообщая о нем никаких дополнительных сведений (по крайней мере, прямо), оставляя его один на один с адресатом речи. Задача же СПД именно в том, чтобы вписать последнему свой смысл и навязать свою систему ценностей. Именно поэтому после разгрома в 30-е годы всех оппозиций и после политических процессов их субъекты редко упоминались по имени, а так называемые «требования трудящихся» обычно формулировались не «Смерть Бухарину (Рыкову, Томскому...)», а «Смерть троцкистско-бухаринской банде. Особого расцвета этот стиль достиг в брежневские времена, когда в курсах истории КПСС преступления Сталина и его подручных упоминались вскользь, как случайные, преходящие ошибки, совершенные неизвестно кем и насколько не нарушающие общего движения к светлому будущему. Так же безличны упоминания и об успехах партии: в них актуальны только два имени соб-

ственных: Ленин и правящий лидер. Ясно, что первое имя существенно отшло от своих функций и превратилось по сути в символ или даже миф (в лосевском понимании). Итак, одна из важнейших черт СПД — попытка устранения референтного, действительного мира, возможного денотата и попытка подогнать значение слова под сконструированный когнит. Эта тема требует дальнейшей разработки, как, впрочем, и все, относящееся к СПД.] Тем не менее, поскольку линия партии по крайней мере на словах в указанный период оставалась неизменной, то между обоими выбранными автором текстами наблюдается больше сходства, чем различия. Прежде всего сходство обусловлено, конечно, общей коммуникативной ситуацией. Ведь доклад на съезде — это письменный текст, предназначенный для устного воспроизведения (de l'écrit à l'oral). Это предопределяет следующий состав участников коммуникативного акта: автор-производитель текста, читающий текст и слушающие. Последние влияют на воспроизведение текста самым незначительным образом: в виде ремарок (оживление в зале; аплодисменты; крики «Правильно!»). Между производителем и читающим существует отношение не тождества, а скорее неполного вхождения: читающий выражает в тексте не себя, а стоящую за ним организацию (в данном случае — ЦК КПСС — и шире — свою идеологию, систему ценностей и действий). Вместе с тем отклонения от литературного стиля и нормативной лексики, встречающиеся в докладе Хрущева, характеризуют именно докладчика. В этом смысле доклад Брежнева еще менее личностен.

В политическом дискурсе — отчетном докладе достаточно эксплицитно выражены и производители, и адресаты речи. К первым относятся: «Я (Генеральный секретарь); ЦК; наша партия; все коммунисты; наша страна; мы»; ко вторым — «делегаты съезда; все коммунисты; народ; все прогрессивное человечество»; «мы». Немалый интерес представляет пересечение обоих множеств, что доказывает стремление производителя приблизиться к тождеству с адресатом речи. Но П. Серьо обращает внимание на другую важную черту — тяготение СПД к особым псевдоснонимическим группам, названным автором «координациями в недискурсивной теории речевой деятельности». Это — однородные члены предложений, в семантике которых наблюдаются общие черты. Смысловые потенции слова раскрываются в зависимости от того, с каким словом оно становится в координации. Примеры координаций: /Б/ «Партия, весь советский народ богаты талантливыми людьми»; /Х/ «Партия, советский народ богаты талантливыми людьми». От координаций следует

отличать те виды однородности, когда однородные члены не равноценны по смыслу. Так, нет координации в выражениях типа «борьба между силами прогресса и реакции»; «союза рабочего класса и колхозного крестьянства». В первом случае речь идет о явлениях, прямо враждебных друг другу, во втором — денотатах, хотя и объединенных в общую предметную область, но границы между ними остаются достаточно четкими. Напротив, истинная координация «партия и советский народ» характеризуется именно размытостью границ между составляющими: первое как бы вырастает из второго. Главный же признак координации — монофункциональность составляющих.

Вся система слов, находящихся в координациях, составляет то, что автор назвал «конstellациями сопоставимостей» (*constellations des comparabilités*)¹. В книге приводится их схематическое изображение. У Хрущева в эту «конstellацию» входят 43 лексемы, некоторые повторяются по несколько раз, наиболее употребительное сочетание — *партия (и) народ* (28 раз). У Брежнева — 80 лексем, наиболее частотное — тоже *партия и народ*, но меньше, чем у Хрущева — 16 раз. Меньшее количество лексем в «конstellациях» Хрущева объясняется тем, что у него представлены имена более крупных и общих классов, чем у Брежнева: *партия, народ, молодежь, рабочие, крестьянство*. У Брежнева существуют и более частные классы: *писатели, публицисты, ученые*; многие из них эксплицируют общие классы: *крестьянство* → *труженики колхозов (совхозов), руководители колхозов (совхозов), агрономы, зоотехники*. Если у Хрущева руководящие органы упоминаются кратко (*ЦК, руководство партии и правительства*), то у Брежнева список имен этого класса почти вдвое длиннее (*ЦК, правительство, руководящие кадры, Советская власть*). Кроме того, у Хрущева наблюдается большая открытость к миру: в число сопоставимостей входит также и *все человечество, народы других* (т. е. не социалистических) стран; у Брежнева же упомянуты только дружественные силы (*братские партии, трудящиеся всех стран*) и лишь в одном контексте — *мировая цивилизация*. Верный идее «читать строки, а не между строк», П. Серьо не комментирует «конstellации сопоставимостей»; однако из изложенного следует вполне определенный вывод: дискурс Брежнева еще более бюрократичен и регламентирован, чем у Хрущева, конец «хрущевской оттепели» отразился и в «картине мира» отчетного до-

клада ЦК, сделав ее еще более замкнутой и статичной.

Наиболее часто в «конstellациях» встречается лексема *партия*, и П. Серьо отмечает в этой связи, что можно выделить три основных контекста: *партия* = «государство», *партия* = «народ», *партия* = «правительство», символически — P_1 , P_2 , P_3 . Высказывания Брежнева с этими контекстами отличаются значительно большей тривиальностью и неконкретностью по сравнению с хрущевскими. У первого находим примеры P_1 («Отрицательные черты Сталина нанесли большой ущерб партии», «Против линии партии выступили лица, занимавшие видное положение»), P_2 («Партия единодушно одобрила решение июньского Пленума»). Высказывания же Брежнева значительно менее референтны, меньше привязаны к конкретным событиям: P_1 («Укреплять дисциплину партии»); P_2 («Партия строит коммунистическое общество»); P_3 («Партия осуществила ряд важных мероприятий по...»). П. Серьо отмечает в этой связи, что в контекстах P_1 у Хрущева речь идет по большей части о конкретных людях — так называемой «антипартийной группе». При этом сама лексема *партия* здесь не выступает в качестве субъекта, т. к. здесь речь идет не столько о трудовых победах партии, сколько о покушениях на нее. Напротив, аналогичные контексты Брежнева малокофликтны. Контексты P_2 у Хрущева почти всегда несут предикат прошедшего времени несовершенного вида, часто с кванторными наречиями («Партия всегда разоблачала козлов врагов»). У Брежнева же в этом случае стоит главным образом настоящее время, выражающее актуальные действия, нацеленные на будущее («Партия строит коммунизм»). Наконец, в контекстах P_3 Хрущев ограничивается в основном рекомендациями («Партия призывает»), а Брежнев использует предикаты действия («Партия заботится»).

Другое ключевое слово обоих докладов — *народ* — не распадается на слова с разными денотатами. Его семантические потенции выявляются с помощью синонимических рядов, из которых следует, что народ связан по большей части с предикатами высокого стиля и положительной оценки: *Народ строит коммунизм; часть советских людей страдает от нарушений законности в годы культа личности*. В демографических же процессах участвует исключительно население (*население увеличивается в объеме*). Оценивая метод координации, разработанный П. Серьо, можно сказать следующее. Конечно, некоторые частные вопросы остаются дискуссионными. Можно, например, полагать, что контексты, обозначающие автором как P_1 , касаются не столько свя-

¹ Термин «конstellация», букв. «созвездие», заимствован из терминологии глоссематики Л. Ельмслева.

зи партии с государством, сколько внутрипартийных дел. Этим они отличаются от контекстов Π_2 и Π_3 , объединяющих партию с другими институтами (народ, правительство). Но в целом ясно, что координация действительно служит хорошим оружием для выявления в слове его индивидуального смысла, вносимого автором текста. Кроме того, внесодование координации помогает выявить и иерархичность слов, их оценочный характер (см. также ниже).

Следующая характерная особенность СПД — преобладание существительных, образованных от глаголов (номинализация). Логические субъекты и особенно объекты этих имен стоят в генитиве, поэтому в речах Хрущева и Брежнева в среднем вдвое — второе больше генитивов, чем в среднем в русской речи, согласно данным словаря Штейнфельдт [4]. Но нужно учесть, что не всякое отглагольное имя, пусть даже и управляющее генитивом, можно считать номинализацией. Для этого необходима живая, осознаваемая связь с глаголом. В противном случае происходит то, что Л. Теньер называл «застывшей трансляцией» [5] (у П. Серьо целый раздел посвящен именно этим явлениям). Застывшие трансляции могут отличаться от живых своим синтаксическим управлением и валентностью; иногда же их можно выявить с помощью перевода на другой язык. Так, в русск. *явления подобного рода* имя в номинативе вне всякого сомнения связано с глаголом *являть, являть*; оно управляет генитивом, но его нельзя рассматривать как подлинную номинализацию, и на французский оно переводится именем, в котором в рамках французского языка уже никак нельзя выявить глагольную основу: *phénomène*. (Заметим, впрочем, что перевод на другой язык трудно считать корректным методом проверки. И в данном случае, на наш взгляд, гераздо существеннее синтаксическая семантика оборота: генитив здесь служит определением, а не актантом. Напротив, в высказывании *Явление Христа народу* мы имеем дело с подлинной, живой номинализацией. Будучи сходным с процитированным выше на поверхностном уровне, данное высказывание резко отличается от него на глубинном. И выявить это различие позволяет только семантика).

По П. Серьо, существует три основных типа номинализации: существительные образуются от глаголов: *строить* → *строительство*; существительные образуются от прилагательных: *бдительный* → *бдительность*; существительные относятся к тем корням, к которым относятся замещающие их глаголы: *хотеть* → *воля*. Все существительные-номинализации занимают весьма значительное место в ис-

следованиях корпусов (приводятся подсчеты). В рамках трансформационной грамматики номинализация должна рассцениваться как свернутое предложение. Так, в предложении из доклада Брежнева: *Ленин видел в этом выражение революционного духа партии* прямое дополнение развертывается в *выражение революционного духа партии*. Но в отличие от предикативных синтагм номинализация лишена показателей времени и модальности, в связи с чем у слушающего создается впечатление истинности и неизменности концептов номинализации.

Весьма значительное место (несколько разделов) П. Серьо отводит логическому анализу номинализации, предпринятому различными исследователями. Так, П. Адамец [6] предлагает различать фактографическую и идеографическую номинализацию. Первая категория повествует об имевшем/неимевшем месте события (*Петр пришел* → *Я рад приходу Петра*). Идеографическая же модальность не указывает на реальные события, а лишь на мысленные построения (*Он (бы) поддержал мой проект* → *Я просил его о поддержке моего проекта*). Как отмечалось выше, номинализации на поверхностном уровне лишены указаний на модальность, поэтому, как считает П. Адамец, различать их позволяет трансформация. Фактографические номинализации трансформируются в сложноподчиненные предложения с союзом *что* (*Я рад, что Петр пришел*), идеографические — в предложения с союзом *чтобы* или инфинитив (*Я попрошу, чтобы он поддержал мой проект / попрошу его поддержать мой проект*). Специфика СПД, однако, состоит в том, что в нем многие номинализации и в этом отношении вполне амбивалентны. На основании этого П. Серьо считает метод П. Адамца не вполне релевантным. С нашей точки зрения, напротив, различие номинализаций по модальностям вполне корректно; амбивалентность же этих модальностей в СПД вполне отвечает его прагматическим установкам: внушить слушателю, что все, существующее в сфере мысли, воплощается в реальность («Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...», — сказали бы мы по этому поводу).

Автор соглашается с З. Вендлером [7], что номинализация занимается в предложении «пустые места» (*places vides*), предоставляемые структурными схемами предложений, заполнения их свернутыми предложениями. Рассматривая их как члены предложения, следует отметить, что существуют предикаты, управляющие только объектами-номинализациями, например, *вызвать* обязательно имплицитно имя действия: *Эксплуатация трудящихся вызывает обострение клас-*

совой борьбы. Существовать также ограничения на сочетание номинализаций с эпитетами. И здесь определенную роль играет разграничение номинализаций на целостные и нецелостные. Первые управляют предикатами типа *находиться, даться, происходить*, имеют при себе эпитеты типа *медленный, постоянный*, а в качестве объектов являются комплектами при глаголах *видеть, наблюдать, чувствовать*. Они утверждают бытие своего денотата. Нецелостные номинализации трансформируются в предложения типа *то, что ... (как, когда, где)*. Они сочетаются с предикатами *утверждать, считать, полагать*, обстоятельствами, выражающими модальность (*возможно, истинно, должно*). Иными словами, как мы полагаем, различия между целостными и нецелостными номинализациями примерно таковы, как между ассерторическими и модальными высказываниями в логике [8]. Но и эти признаки могут оказаться недостаточно релевантными. Н. Д. Арутюнова подчеркивает, что здесь речь идет не столько о внутренних потенциальных грамматической категории, сколько о ее интерпретации в зависимости от интенции, прочтения текста. Так, рассматривая пример З. Вендлера *John's singing of the Marseillaise surprised me*, Н. Д. Арутюнова предлагает две его возможные интерпретации: «Тот факт, что Джон пел, „Марсельезу“, поразила меня» и «То, что Джон пел, „Марсельезу“, поразило меня». Очевидно, здесь идет речь о различии между «что-предложениями» и «как-предложениями». Можно полагать, что в каждом «что» заключено «как», но не наоборот. На наш взгляд, именно то, что имя изначально лишено эксплицитных указаний на модальность, делает также изначально амбивалентным любой метод установления модальности отглагольного имени. Вместе с этим, конечно, нельзя отрицать устремления говорящего придать ту или иную степень истинности своему высказыванию. Представляется, что именно амбивалентность позволяет манипулировать истинностными операторами. Так, согласно приведенным выше критериям, высказывание /X/ *Торжество коммунизма неизбежно* как будто характеризуется нецелостной номинализацией. Здесь, как показывает П. Серьо, кроме номинализации, имеется «вставленное сообщение» (*l'énoncé enclâsé*) «N неизбежно», где N заполняется свернутым предложением, которое в развернутом виде выглядит как *коммунизм торжествовать/восторжествовать*. Это показывает, что номинализация стремится к тому, чтобы ее сообщение трактовалось как вечно-истинное.

Казаться тождественно-истинной номинализации позволяет задаваемая ею пре-

суппозиция. Преноминализация, как уже отмечалось, есть по сути свернутое предложение, следовательно, предикативная форма высказывания в ней преобразования в непредикативную, рема — в тему, новое — в данное. Иными словами, высказывание *Эксплуатация трудящихся вызывает усиление классовой борьбы* сообщает нам нечто о бытии и сущности и эксплуатации, преподносит ее сущность в о в а н и е как данность. Автор строит правила вывода высказывания из пресуппозиции с точки зрения истинности/ложности. Ложная пресуппозиция эквивалентна ложному высказыванию, истинная же оставляет вопрос открытым; истинное высказывание может существовать тогда и только тогда, когда все его пресуппозиции истинны (ср. классификацию высказываний по степени их истинности/ложности/неопределенности в [9]). Любопытно, что взаимоотношение пресуппозиции и высказывания дает картину, противоположную той, что мы находим в теории логической импликации: здесь ложным считается только сочетание истинного антецедента с ложным консеквентом. Дело в том, что пресуппозиция обуславливает высказывание, причем предложение уподобляется уже не импликации, т. е. суждению типа «если ... то», а свернутому силлогизму, т. е. умозаключению с подразумеваемой, но не высказанной большей посылкой. Это убедительно показал недавно А. Т. Кривоносов на материале предложений с *так как, поскольку* [10]. В связи с тем, что номинализация представляет собой свернутое предложение, то она может рассматриваться именно как содержащая в пресуппозиции посылку. П. Серьо предложил интересный метод анализа предложений с номинализациями, содержащимися как в теме, так и в реме. В таких предложениях предикатами являются глаголы типа *происходить, усиливать, вызывать*, подтверждающие истинность высказывания *de re*, и глаголы типа *отражать, находить отражение, доказывать/быть/являться доказательством* и т. д., подтверждающие истинность высказывания, заключенного в пресуппозиции, *de dicto*. Для интерпретации высказываний, содержащих номинализации в подлежащем и сказуемом, автор предлагает следующую методику. Одна из них содержит так называемую «истину говорящего» (*vérifiée par le locuteur*, символически VL), другая же, составляющая именную часть сказуемого с глаголом второй группы, — универсальную истину (символически BV). Глаголы второй группы, обозначающие существование, получают символическое обозначение ARG; схема высказывания выглядит так: пресуппозиция LV (q); (высказывание) x {ARG}

$\forall V(q)$. Высказывание обнаруживает универсальность истины говорящего, т. е. истинность пропозиции доказывается ее соположением с универсальной истиной. П. Серьо иллюстрирует эту формулу следующим примером. Дано: $\{X/\text{Одержанные советским народом всемирно-исторические победы являются самым убедительным доказательством правильного применения и творческого развития марксистско-ленинской теории. Пресуппозиции: Советский народ, одержал всемирно-исторические победы} (\forall V(q_1)); \text{Марксистско-ленинская теория правильно применяется} (LV(q_2)); \text{Марксистско-ленинская теория творчески развивается} (LV(q_3))\}$. Формула высказывания: $\forall V(q_1) \{ARG\} \forall V(q_2) \wedge \forall V(q_3) (\wedge - \text{знак конъюнкции})$.

На этих логико-лингвистических особенностях и зиждутся многие существенные черты СПД. Номинализованная формула в силу своей свернутости составляет то, что П. Серьо называет «предсозданием» (*le préconstruit*). Невысказанные предикативные синтагмы составляют тот невысказываемый уровень, который предопределяет уровень высказывания. Нереализованные предикаты номинализации создают вместе с реализованными предикатами высказывания цепь, где каждый член подтверждает другой, а все вместе создают впечатление стабильного, неизбывного возможного мира. Этот мир реализуется с помощью предикатов, доказывающих его существование и/или эксплицирующих его сущность, и выступает как единственно реальный мир. П. Серьо совершенно справедливо указывает на сходство СПД с научным дискурсом. Задачи, стоящие перед научным текстом, примерно аналогичны названным нами. Но, конечно, не может быть и речи о том, чтобы в СПД присутствовала такая же строгая система аксиом и правил выводов, как в научном тексте. Глубоко прав П. Гард, назвавший в предисловии к книге П. Серьо советскую политическую речь «пародией на научную».

Пресуппозиция задает невысказанный уровень текста, в котором тем самым появляется новая единица — так называемый *le non-dit*. В этом плане автор рассматривает такие явления, как взаимоотношение автора и докладчика (произноситель доклад отождествляет себя с его

коллективным автором), высказывания и реальности (номинализация внушает мысль о реальности пресуппозиции, а через нее — и высказывания в целом). При этом всегда актуальна неоднозначность, амбивалентность высказывания, морфологическая форма которого позволяет выдавать ментальное за реальное.

Оценивая книгу П. Серьо в целом, необходимо подчеркнуть, что она является плодом большой и серьезной работы, продланной талантливым и самостоятельным мыслящим лингвистом. Автор показал ряд важнейших черт политического дискурса, его стиль и ориентацию. Но, разумеется, рецензируемая книга — не завершение, а, напротив, начало изучения СПД.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Формановская Н. И.* Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспект. М., 1982.
2. *Головин Б. И.* Основы культуры речи. М., 1986.
3. *Граудина Л. К., Мисьяевич Г. И.* Теория и практика русского красноречия. М., 1989.
4. *Штейнфельдт Э. А.* Частотный словарь современного русского литературного языка. М., 1969.
5. *Теннер Л.* Основы структурного синтаксиса. М., 1989.
6. *Адамец П.* О семантико-синтаксических функциях девербативных и деадъективных существительных // ФН. 1972. № 4.
7. *Vendler Z.* Adiectivs and nominalisations. Paris; La Haye, 1968.
8. *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М., 1976.
9. *Разлогова Е. Э.* Когнитивные установки в прямых и не прямых ответах на вопрос // Логический анализ языка: Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989.
10. *Криконова А. Т.* К интеграции языкознания и логики (на материале причинно-следственных конструкций русского языка) // ВЯ. 1989. № 2.

Красухин К. Г.